

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР КОНЦА XX ВЕКА (ТРАДИЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТИ Л.И. БОРОДИНА «ЛОВУШКА ДЛЯ АДАМА»)

© 2010 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

suhih_sios@mail.ru

Поступила в редакцию 09.02.2010

Рассматриваются параллели в философской проблематике «Легенды о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского и повести «Ловушка для Адама» Л.И. Бородина. Подчёркивается сходство как взглядов героев, так и авторских позиций.

Ключевые слова: христианство, счастье, свобода, великий инквизитор, философская проблематика.

Повесть Л.И. Бородина «Ловушка для Адама» [1] была написана в середине 90-х годов XX века и посвящена человеку «потерянного поколения», которое сформировалось в эпоху безвременья. Однако философская проблематика этого произведения выходит далеко за пределы вопросов конкретной эпохи. Л.И. Бородин создал в определённом смысле притчу об истинных и ложных ценностях, о смысле бытия, о человеке и Боге. И эти вопросы ставят его повесть в один ряд с теми произведениями, которые продолжают традицию философской прозы XIX века, прежде всего Ф.М. Достоевского. По верному замечанию одного из исследователей, творческий опыт Достоевского может «служить материалом качественной оценки нынешних и достоверного предсказания грядущих общественно-исторических процессов» [2, с. 715], и этот творческий опыт проецируется на философскую проблематику повести Л.И. Бородина, которая как раз касается социально-исторических процессов, как нынешних, так и грядущих.

В аннотации к повести «Ловушка для Адама» указано, что она написана «не без влияния Достоевского», а конкретно – «Легенды о великом инквизиторе». Однако это влияние не просматривается, по крайней мере чётко, до самого конца произведения и становится очевидным лишь на последних страницах – именно тогда герою открывается истинный смысл всего, что с ним произошло, одновременно об этом узнаёт и читатель. Финал повести, в котором поднима-

ются глубочайшие философские вопросы, действительно соотносится по своей проблематике с «Легендой о великом инквизиторе» и придаёт всему сюжету совершенно иной смысл, чем могло представиться читателю ранее.

Пожалуй, главная проблема, объединяющая произведения Ф.М. Достоевского и Л.И. Бородина, – это **вопрос об избранности** тех людей, которые по библейским пророчествам будут спасены и счастливы в жизни вечной. Герои обоих писателей задумываются о том, насколько справедливо даровать спасение не всем, а лишь некоторым. Великий инквизитор у Достоевского и Викторий у Бородина – противники самой идеи Второго Пришествия Христа и Страшного Суда, так как оба убеждены, что это было бы жестоко по отношению к *большинству людей*. В «Легенде о великом инквизиторе» представлены беспощадные суждения героя о человеческой природе: он говорит Пленнику, что очень немного найдётся тех, кто обладает такой силой духа, чтобы до конца идти христианским путём и не поддаться никаким искушениям, не изменить вере и десяти заповедям; большинство же людей – это слабые и низкие существа, рабы своей земной природы, которые всегда поклонятся тому, кто их накормит. Если даже люди бывают способны на бунт, то это бунт «малосильных» и «порочных», и он неизбежно заканчивается подчинением настоящей силе. Однако человек не виноват, что создан таким, а Бог, по мнению великого инквизитора, предьявляет к этому слабому существу слиш-

ком высокие требования: «Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать... Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его» [3, с. 322]. Великий инквизитор говорит о том, что по христианским законам заслужат воскресение и вечную жизнь лишь те немногие, которые по своим духовным качествам ближе скорее к богам, чем к людям, – он же сам намерен спасти *большинство людей*, пусть даже они слабы и не достойны «хлеба небесного»: «Ты гордишься своими избранниками, но у тебя лишь избранники, а мы успокоим всех» [3, с. 324]. В повести Л.И. Бородина Викторий приводит похожие аргументы: он говорит, что после Страшного Суда должно спастись лишь малое число людей, а остальных ждёт ужасная участь только потому, что они слабы и ничтожны: «А остальные! Что им уготовано, миллионам!.. В чём они виноваты, когда такие, какие есть?.. Пусть корчатся от яда скорпионова? И никакого шанса?» [1, с. 69]. Сам же Викторий, подобно великому инквизитору, выступает своеобразным гуманистом, который любит слабых и ничтожных не менее, чем сильных, и полагает, что необходимо спасти именно *всех*, поэтому в финале повести он так радуется, что распалось, как он считает, установленное Богом число избранных для вечной жизни людей и из-за этого не свершатся Второе Пришествие и Страшный Суд.

Интересно, что, излагая свои аргументы, оба героя затрагивают **тему подвига**. Великий инквизитор утверждает, что он и его сподвижники взяли на себя величайшую ответственность – «исправить подвиг» Христа: Христос отверг три искушения ради свободной веры и духовной чистоты, но это требует от человека соответствовать столь высоким идеалам, что для него непосильно, а великий инквизитор и иже с ним, наоборот, принимают три искушения и организуют жизнь в соответствии с ними ради устроения судеб человечества. С точки зрения великого инквизитора, он и его сподвижники тоже в определённом смысле совершают подвиг, ведь они берут на себя «проклятие» – груз ответственности, свободы выбора и познания добра и зла, а остальных при этом освобождают от такого груза. По сути, великий инквизитор поэтизирует и возвышает до подвига разрушение христианства, подмену христианских принципов противоположными. В повести «Ловушка для Адама» Викторий считает подвигом поступок героя-рассказчика, который спровоцировал зло и разрушил заветное число избранных Богом, бывшее «ядром ЕГО истины» [1, с. 68]. С

точки зрения Виктория, это именно подвиг во имя человечества, потому что он уничтожает необходимое условие Второго Пришествия и избавляет всех от Страшного Суда. И великий инквизитор, и Викторий видят своеобразное подвижничество в антихристианском деянии.

Еще один общий момент в нравственно-философских взглядах этих героев – **этический утилитаризм**, признающий нравственным всё то, что служит наибольшей пользе большинства людей. Согласно этой концепции (она была впервые сформулирована и теоретически обоснована И. Бентамом) можно пожертвовать интересами *немногих* людей ради того, чтобы обеспечить благо *многих*. Великому инквизитору приходится казнить сотни «еретиков» и лгать всему населению своего государства, чтобы обеспечить непоколебимый порядок ради благоденствия большинства людей, как он его понимает. В повести Л.И. Бородина Викторий считает, что счастье семьи Ксении, Антона и их сына Павлика (именно они входили в число нравственно чистых людей, которые заслуживали спасения и вечной жизни) ничего не стоит по сравнению с жизнью остального человечества (а оно после Страшного Суда будет обречено на страдания). Для того чтобы распалось сакральное число избранных и не сбылись библейские пророчества, нужно создать условия, при которых в ком-то из этих людей – например, в Ксении и Антоне или даже маленьком Павлике – проявятся низкие, разрушительные начала. Это может погубить семью, и она больше не будет счастлива, но, по мнению Виктория, такие последствия – ничто по сравнению с освобождением всего грешного человечества от страданий и гибели. Его отношение к обречённой на жестокое испытание семье проявляется в том, с каким пренебрежением он говорит о Ксении, называя её «бабёнкой», которую легко было соблазнить. Его торжество по поводу драмы «бывших праведников» тоже говорит о подчёркнутом безразличии к беде отдельных людей. И в этом одно из различий героев Ф.М. Достоевского и Л.И. Бородина. Если великий инквизитор у Ф.М. Достоевского испытывает нравственные страдания из-за необходимости антиморальных действий, то Викторий у Л.И. Бородина очень далёк от этого и даже не ставит перед собой вопроса о том, стоит ли спасение грешников слезинки ребёнка и душевных мук его родителей. Судя по тому, что он оправдывает всю человеческую низость и полагает, что люди не виноваты в своей слабости, он вообще склонен оправдывать нарушение моральных законов. «Легенду о великом инквизиторе»

и повесть «Ловушка для Адама» объединяет и **тема свободы**. Вопрос о необходимости свободы для человека раскрывается в этих произведениях по-разному. Великий инквизитор доказывает в своём страстном монологе, что, хотя люди и мечтают о свободе, она приносит человеку лишь страдания, так как влечёт за собой выбор и ответственность – слишком тяжкий груз, к тому же вольность ведёт к торжеству разрушительных инстинктов. Из этого он делает вывод, что свобода несовместима со счастьем. А поскольку его целью является счастье большинства людей, он полагает, что ради этого нужно *избавить их от груза свободы*. Викторий в «Ловушке для Адама», наоборот, хочет *дать людям свободу*, но не «свободу ненависти», которой достаточно было в обществе 90-х годов XX века, а свободу как избавление от Божьей воли и Страшного Суда, от предрешённой ужасной участи: «... человечество ЕМУ более неподсудно! Свобода!» [1, с. 70]. Таким образом, для бородинского героя, в отличие от героя «Легенды», свобода – понятие, маркированное положительно. У великого инквизитора и Виктория разное понимание соотношения свободы и блага человечества. Однако есть и момент, в котором они сходятся: оба полагают, что ради избавления людей от страданий необходимо освободить их от Бога, так как его требования к человеку весьма высоки и тяжелы для слабого и ничтожного существа. При этом стоит заметить, что проблема свободы в произведениях Ф.М. Достоевского и Л.И. Бородина всё же подразумевает *неоднозначность решения*. Великий инквизитор, как было сказано выше, считает, что ради всеобщего счастья нужно уничтожить свободу. Но при этом он также понимает, что субъективно человеку нужно осознавать себя вольным: никто не будет счастлив, зная, что поработан. Поэтому герой «Легенды» даёт людям иллюзию свободы, манипулируя их сознанием и внушая им определённое понимание жизни. Такое компромиссное решение, по мнению великого инквизитора, является единственно возможным, поскольку натура человеческая противоречива: в ней сосуществуют и стремление к свободе, и страдания из-за неё. В повести «Ловушка для Адама» тоже выражено *внутренне противоречивое понимание свободы*: она оказывается и спасительной, и губительной. Герой-рассказчик (Адам, как он себя называет, оказавшись вне социума, на лоне природы), в принципе, является максимально свободным человеком. Вспомним, что когда-то он определил свой жизненный путь, исходя из следующего соображения: если организация общества и

законы социума несовершенны и не обеспечивают человеку нормального существования, то человек имеет полное право нарушить установленные обществом и государством нормы (как видим, у Адама вполне раскольниковский взгляд на преступление). Это решение ставит его фактически вне морали и губит его в нравственном смысле, приносит невыносимые страдания его матери. Однако, узнав о мучениях матери, герой вновь принимает поворотное для своей судьбы решение – освободиться от зла и измениться. Он идёт к свободе от материальных ценностей, от своего бездуховного прошлого. Адам покидает город, оказывается в таёжной глуши, живёт рядом с хорошими и духовно чистыми людьми: Антоном, его женой Ксенией и их сыном Павликом. Но когда герой-рассказчик чувствует влечение к Ксении и понимает, что оно взаимно, то он отказывается от моральных соображений, и это ещё одно проявление его свободы: для него собственное внутреннее стремление к счастью и любви выше всех этических норм, привнесённых в его сознание извне. Целая «цепочка», последовательность свободных решений героя приводит к злу и разрушению гармонии, хотя субъективно он хочет лишь добра. «Ловушками» для Адама оказываются его свобода и сама его человеческая природа (как библейский Адам нарушил высший запрет, поддался искушению и лишился рая, так и герой повести сделал шаг навстречу своим инстинктам и разрушил «земной рай» Ксении, Антона и Павлика). Но в то же время в финале этот человек принимает ещё одно свободное решение, которое уже даёт некоторую надежду на торжество добра. Казалось бы, Викторий доказал Адаму, что все его действия были предопределены и стали причиной нарушения Божьего закона. Герой-рассказчик должен был почувствовать себя орудием в руках неких сверхчеловеческих тёмных сил, но вопреки этой логике он как будто вырывается из сплетённой вокруг него сети, проявляет свободную волю и тем самым ломает замысел злых сил (об этом пойдёт речь ниже). Таким образом, и в «Легенде о великом инквизиторе», и в «Ловушке для Адама» перед нами сложнейшая диалектика свободы и несвободы, соприкасающаяся с проблемой добра и зла, которая волнует героев обоих произведений.

Хотя великого инквизитора и Виктория много *объединяет* как философов, но в некоторых вопросах они *расходятся*: выше уже говорилось, например, об их восприятии свободы и о том, как они переживают нарушение моральных норм. Существует и другое различие. У Досто-

евского герой полагает, что счастье человечества может быть достигнуто лишь путём *насильственных* действий. Он и его сподвижники имеют неограниченную власть над остальными. Они манипулируют сознанием людей, убеждая последних в том, что они совершенно свободны и живут в христианском государстве, в то время как в действительности они подобны безвольным рабам и государство их существует по принципам антихристианским. Любой, кто будет мешать этому порядку вещей, обречён на уничтожение как еретик. Насилие и обман – вот способы достижения всеобщего счастья, как его видит великий инквизитор. У Л.И. Бородина герой, наоборот, считает, что «разрушить число» избранных и тем самым «отменить» Страшный Суд нельзя было никаким насильственным методом – это могло произойти только *естественным* путём. Действительно, герой-рассказчик вовсе не собирался покушаться на законы христианства, он всего лишь следовал своим побуждениям (кстати, вполне добрым и светлым) и своей человеческой природе, но это нарушило чистую и светлую жизнь хорошей семьи, внесло в неё зло и поставило под угрозу будущее, хотя герой-рассказчик вовсе не желал ничего подобного. Викторий же лишь помогает ему пройти довольно причудливый путь к подобному результату, но не руководит им, хотя в финале выясняется, что он заранее знал, чем обернутся действия героя-рассказчика. Таким образом, в повести Л.И. Бородина ход истории и судьба человечества, по словам Виктория, были определены поведением самого *обычного, простого человека*, в то время как у Ф.М. Достоевского судьба мира вершит великий инквизитор – *правитель*, наделённый неограниченной властью в своём государстве.

Герои Ф.М. Достоевского и Л.И. Бородина желают осчастливить человечество, «исправив» законы христианства. Удаётся ли им, хотя бы с точки зрения субъективной, достичь поставленной цели и *поддержана ли их жизненная философия авторами произведений?*

В «Легенде» Ф.М. Достоевского **великий инквизитор** полагает, что его цель достигнута: он считает, что ему и его сподвижникам удалось «исправить подвиг» Христа и основать жизнь общества на трех искушениях, когда-то отвергнутых Сыном Божиим. Герой «Легенды» убеждён в том, что тем самым он даёт людям безмятежное счастье, лишив их опаснейшего дара – свободы, обеспечив их «хлебами», поработив их совесть с помощью тайны, чуда и авторитета, а также объединив их под своей властью во «всеобщий и согласный муравейник».

Противостоит его мнению второй герой «поэмы» – **Пленник**: хотя он и остаётся безмолвным, его взгляды горячо высказывает сам инквизитор. Однако в повествовательной структуре «Легенды» существуют точки зрения не только великого инквизитора и Пленника, но также Ивана – автора «поэмы» – и, наконец, автора романа, создателя образа самого Ивана. **Иван Карамазов** в своей «поэме» и в разговоре с Алёшей горячо отстаивает позицию великого инквизитора и выстраивает такую логическую систему аргументов, которую очень трудно (если вообще возможно) опровергнуть, оставаясь в русле рациональной логики. Но сама та страстность, с которой Иван убеждает Алёшу в правоте великого инквизитора, свидетельствует о том, что в душе он чувствует возможность – и правомерность! – иной точки зрения, чувствует незаконченность философского спора великого инквизитора и его молчаливого Пленника. Об этом красноречивее всего говорит финал «поэмы». В нём можно увидеть очень глубокое интуитивное прозрение, к которому Иван подсознательно приходит вопреки собственной логике. Выслушав монолог великого инквизитора, страшный по своей сути, но при этом искренний и страстный до трагичности, Пленник целует своего тюремщика, которого привела к антигуманизму именно парадоксальная любовь к людям, ведь он идёт путём зла, чтобы достичь доброй цели, и к тому же при этом неподдельно страдает. Этот гуманизм Христа ломает всю логику великого инквизитора, по которой он должен был уничтожить Пленника как угрозу для благополучного существования его государства. В результате инквизитор отказывается от страшного намерения, хотя не отрекается от своей жизненной философии: «Поцелуй горит на его сердце, но старик остаётся в прежней идее» [3, с. 330]. Великий инквизитор остаётся воплощением непреодоленного противоречия между гуманизмом и антигуманизмом – двумя противоположными началами, сосуществующими в нём. И это многое говорит о позиции Ивана как автора «поэмы»: перед нами классический случай расхождения между *субъективным* замыслом и его *объективным* воплощением, когда автор собирался высказать одно, а «написалось» совсем другое. Не случайно Алёша, первый слушатель «поэмы», говорит, что у Ивана получилась «хвала Иисусу, а не хула» [3, с. 327]. Такая ситуация красноречиво свидетельствует о том, что во внутреннем мире самого автора (в данном случае Ивана) есть противоречие «идеи и натуры», что опасная идея не поглотила его душу и не поработила его до

конца. Здесь уместно вспомнить и о том, что Иван – автор не только «поэмы» о великом инквизиторе, но и статьи о значении христианских основ общества, статьи, проникнутой гуманными и вполне христианскими по своей сути идеями. Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что *позиция Ивана внутренне противоречива* и неоднозначна. Какова же позиция **Достоевского** как автора и «Легенды о великом инквизиторе», и всего романа «Братья Карамазовы»? Выразив в «поэме» Ивана стройную логику великого инквизитора, писатель не останавливается на этом и выстраивает также серьёзную систему аргументации, опровергающей и дискредитирующей эту логику. Это и позиция Алёши и старца Зосимы, и изображение двойников героя «Легенды», и внутренняя противоречивость убеждений и поведения Ивана, и – главное – финальный сюжетный ход «поэмы». Можно сказать, что Достоевский прошёл через соблазн великого инквизитора, не случайно он писал в «Записных книжках» по поводу «Братьев Карамазовых», что его «Осанна» христианству прошла «через большое горнило сомнений», – это «горнило сомнений» и отражено в его творчестве, в частности в «Легенде о великом инквизиторе». С.Л. Франк говорил о Достоевском: «Его борение – всегда трагическое борение с самим собой. Это верно и по отношению к соблазну, содержащемуся в тезисе Великого инквизитора» [4, с. 244]. Однако контекст романа и контекст всего творчества Ф.М. Достоевского говорят о том, что его «Осанна» действительно **прошла** через все сомнения в том смысле, что **преодолела** их. И автор романа «Братья Карамазовы» с помощью художественных аргументов стремится показать, что идея великого инквизитора – это ложный соблазн.

Какова же авторская позиция по отношению к своеобразному последователю великого инквизитора в повести Л.И. Бородина «Ловушка для Адама»? Вроде бы логика фактов говорит о том, что Викторий оправдывает своё имя и именно его взгляд на мировую историю побеждает. Герой-рассказчик (Адам), стремясь к духовному очищению, приходит, наоборот, к тому, что губит чужую любовь и жизненную гармонию: Ксения и Антон конфликтуют, и даже Павлик участвует в этом конфликте (как раз из-за этого, по мнению Виктория, распадается число избранных для спасения и становится невозможным Второе Пришествие), а в финале главный герой не только не достигает нравственной чистоты, но даже совершает попытку убийства, покушаясь на жизнь ненавистного ему Виктория. Однако так выглядят факты лишь при по-

верхностном взгляде на них. В сущности, финал, вопреки формальной логике, говорит о поражении «инквизитора конца XX века». *Вопервых*, что касается семьи, то она не распадается, как можно было ожидать: бросая прощальный взгляд на этих людей, герой-рассказчик видит их снова вместе, и поэтому у него появляется надежда на то, что заветное число всё-таки не разрушено, а значит, ещё есть шанс на торжество правды Бога. Раньше эта семья жила вдали от общества и существовала в своём замкнутом мире, редко видя каких-либо других людей, а потому для Ксении и Антона не существовало соблазнов и искушений – неудивительно, что они оставались добрыми, любящими и духовно чистыми. Гораздо более ценными будут эти качества, если они останутся в душах героев после того испытания, которое они, по-видимому, всё-таки выдержали. *Вопвторых*, что касается Адама, то он хотя и покушается на чужую жизнь, но при этом стремится убить именно носителя зла, и не случайно ему удаётся ранить Виктория. Как следует их слов самого Виктория, он предпочёл бы, чтобы в руках его противника был пистолет, потому что для этого оружия, видимо, он неуязвим. Пистолет символизирует зло, процветающее в мире, где нет любви и духовности, где всё определяется силой и материальными ценностями. И этим орудием зла нельзя убить носителя зла. Но Адам, вопреки желанию Виктория, выбрасывает пистолет в озеро, стремясь освободиться от всего, что связывало его с прежней бездуховной и преступной жизнью. Поэтому своего противника в финале он ранит не пулей, а топориком Антона – инструментом, которым тот делал из дерева фигурки Ксении и «высказывал» любовь к ней. Топорик в этом контексте символизирует орудие добра и, возможно, даже может рассматриваться как своеобразная проекция образа того меча, о котором говорит Христос в Евангелии: «Не мир, но меч принёс я вам». В обоих случаях речь идёт об орудии борьбы со злом. *В-третьих*, стоит вспомнить образ озера и своеобразные взаимоотношения, которые складываются с этим озером у героя-рассказчика. В повести образ озера становится символом самой природы, её гармонии и чистоты. И не случайно сначала озеро «отталкивает» Адама, а в финале «принимает»: этот герой тоже прошёл своё испытание и, несмотря на всё произошедшее, сохранил в своей душе стремление к добру, способность на искреннее раскаяние и сочувствие к другим, желание исправить ошибки. Вопреки собственным замыслам, он оказался орудием зла, но не стал им до конца, и в финале, когда

он уже осознал смысл произошедших с ним событий, он движим желанием бороться со злом. И это ещё раз подтверждает, что логика Виктория не одерживает окончательной победы. Как и в произведениях Ф.М. Достоевского, здесь рационально выстроенная *идея сталкивается с человеческой натурой* и терпит поражение. Великий инквизитор и Викторий, по сути, бунтуют против высшей силы *из жалости к слабому человеку*, и оба самонадеянно полагают, что им точно известно, *в чём будет состоять благо для этого человека*. Но в государстве великого инквизитора тем не менее появляются еретики, идущие против него, а в повести Бородина Адам, которого Викторий возводит в ранг «спасителя человечества», избавившего мир от Страшного Суда и подарившего жизнь себе и остальным грешным людям, стремится Викторий же убить. Герой-рассказчик надеется на то, что всё-таки восторжествует Бог и осуществится библейское пророчество, хотя он, безусловно, понимает, что сам он не может войти в число тех, кто спасётся после Страшного Суда. Поэтому в его финальных рассуждениях есть в определённом смысле идея самопожертвования. Оказывается, что Адаму не нужны жизнь и свобода ценой разрушения, ценой «избавления» от христианства. Как говорил «подпольный человек» у Достоевского, «человеческая выгода *иной раз* не только может, но даже и должна именно в том состоять, чтоб в ином случае себе худого пожелать, а не выгодного» [5, с. 110].

Всё изложенное выше даёт возможность сделать вывод и об авторской позиции в повести «Ловушка для Адама». В произведениях и Ф.М. Достоевского, и Л.И. Бородина можно отметить амбивалентность финала. В «Легенде» великий инквизитор отпускает Пленника, но не отказывается от своих убеждений – в «Ловушке для Адама» Викторий не убит, но ранен, а в се-

мье «избранников» нет прежней абсолютной гармонии и безмятежности, но всё же эта семья не разрушена. Как писал критик П. Басинский, художественная правда Леонида Бородина заключается в «доверии Божьему миру» [6, с. 5], а сам Л. И. Бородин говорил, что художественное творчество – это «способ расширения души, стремящейся к Богу» [7]. Поэтому в ответ на кажущуюся безнадежность всё же возникает надежда. И так, *финалы произведений неоднозначны, но они оставляют надежду на силу и торжество добра*. Из этого следует, что оба автора не склонны к «розовому» оптимизму и знают, что такое «горнило сомнений», но при этом и тот, и другой нравственно преодолевают эти сомнения и выражают это художественно, а не декларативно, а потому наиболее убедительно.

Список литературы

1. Бородин Л.И. Ловушка для Адама // Роман-газета № 6. М., 1996. 73 с.
2. Тарасов Б.Н. Христианская антропология Достоевского и современный мир // Достоевский и XX век / Под ред. Т.А. Касаткиной: В 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 715–749.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 635 с.
4. Франк С.Л. Легенда о Великом инквизиторе // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 243–251.
5. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. 408 с.
6. Басинский П. Четвёртая правда Леонида Бородин // Литературная газета. 17 апр. 2002. С. 5.
7. «В смутное время нужно делать ставку на идею». Интервью с писателем Л. Бородиным (беседа вёл Л. Виноградов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/guest/borodin.htm> (дата обращения: 1.02.2010).

THE GREAT INQUISITOR OF THE LATE 20th CENTURY (Dostoyevsky's traditions in L.I. Borodin's novel «Adam's Trap»)

O.S. Sukhikh

Some parallels in the philosophical agenda of «The Legend of the Great Inquisitor» by F.M. Dostoyevsky and L.I. Borodin's novel «Adam's Trap» are considered. The author underscores the similarity of both characters' views and authors' perspectives.

Keywords: Christianity, happiness, freedom, great inquisitor, philosophical agenda.